

Т. И. Стексова

Новосибирский государственный педагогический университет

Ул. Вилюйская 28, Россия – 630126, Новосибирск

steksova@inbox.ru

ВЫСКАЗЫВАНИЯ С СЕМАНТИКОЙ НАПРАСНОСТИ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

На материале русского языка рассматриваются высказывания с семантикой напрасности действия, способы выражения этого субъективного смысла. Жанровое своеобразие данных высказываний связано с особенностями категории глагольного времени.

Ключевые слова: *субъективные смыслы, напрасность, категория времени глагола, жанры речи.*

Бурный интерес к семантическому синтаксису второй половины 20 в., хотя и пошел на спад, тем не менее не утратил своей актуальности. По-прежнему внимание и интерес синтаксистов привлекает субъективный аспект высказывания, или, используя терминологию Ш. Балли, модус, под которым он понимал "часть высказывания, в которой выражается оценка или воля" (Балли 2003: 217). Т. В. Шмелева, развивая идею Э. Бенвениста о субъективности в языке, писала, что "высказывание, каким бы элементарным оно ни было, состоит в том случае, если в нем информация о мире, объективной действительности, соединится с информацией субъективной - идущей от говорящего и момента общения" (Шмелева 1988:8). Многие модусные категории, в первую очередь обязательные (авторизация, персуазивность), уже подробно исследованы в русском языке (Г. А. Золотова и др.). Описаны в лингвистической литературе и некоторые факультативные модусные смыслы: оценочность (Е. М. Вольф), странность (Е. М. Вольф, О. В. Пушкарева), кажимость (Н. Д. Арутюнова), невольность осуществления (Т. И. Стексова), вынужденность действия (Н. В. Лесонен) и др. О закономерной взаимообусловленности диктума и модуса, а также о принципиальной возможности различного соотношения диктума и модуса писали Т. Б. Алисова, В. Г. Гак, Ш. Балли, М. А. Болотина, Н. К. Онипенко и др. Т. В. Шмелева отмечала, что для модуса вообще характерна тенденция проникновения, "врастания" в диктум, что практически исключает возможность его изолированного рассмотрения (Шмелева 1995: 34). Нами также уже отмечалась принципиальная возможность разных способов взаимодействия диктума с факультативными модусными категориями. Некоторые из них, такие как странность, оценочность, образуют модальную рамку, внутри

которой помещается диктумная информация: *Странно, что он не позвонил*. В других случаях модусная квалификация информации, такая как невольность осуществления или вынужденность действия, не образуя модальной рамки, может встраиваться внутрь диктума: *Он невольно оглянулся; Она проболталась* (Стексова 2002; 2005).

К подобным факультативным модусным смыслам относится и **напрасность**, под которой мы понимаем квалификацию говорящим действия или мнения как совершенного / совершающегося **напрасно, зря**. Семантика напрасности в первую очередь связана с понятием деятельности как таковой и действия, в частности. Как указывал А. Н. Леонтьев, есть два обязательных компонента любой деятельности человека: наличие мотива и цели (Леонтьев 1975). Целенаправленное действие в норме всегда целесообразно, так как предполагает определенные усилия субъекта действия для достижения результата. Значение целесообразности выделяется в современном семантическом синтаксисе, хотя и не всеми лингвистами. Так, В. М. Труб отмечает, что в предложении могут быть использованы как лексемы, которые фиксируют, что "этап обдумывания действий был пройден субъектом неадекватно" (неосторожно, неосмотрительно, опрометчиво), так и лексемы, "констатирующие, что выбранный субъектом способ достижения желаемого является неверным" (бесмысленно, бесполезно, бесперспективно) (Труб 1993: 63). В подобных случаях, по мнению ученого, речь идет о нецелесообразности действия. Как представляется, семантика напрасности является частным случаем семантики нецелесообразности. Любое напрасное действие является нецелесообразным, но не всякое нецелесообразное действие может быть напрасным. Эта семантика выявляется тогда, когда говорящий оценивает чье-либо действие с точки зрения его предпочтительности, ожидаемости, полезности, результативности. *Напрасно ты думал, что потерял его невозвратно* (А. Погорельский). В данном случае говорящий квалифицирует пропозитивное содержание высказывания, то есть действие в ментальной сфере (*ты думал*) как напрасное. Элиминация модусного маркера (наречия *напрасно*) не меняет диктумного содержания высказывания, а только устраняет авторскую оценку произошедшего. В качестве маркеров можно назвать синонимичные лексемы: *понапрасну, даром, зря, впустую, безрезультатно, бесполезно, тщетно, бесплодно, попусту* и др., а также различные фразеологические сочетания с той же семантикой: *псу под хвост; метать бисер перед свиньями* и под. Причем, эти маркеры, встраиваясь в диктум, могут выполнять различные синтаксические функции: обстоятельства (*Ты рассказал это **напрасно***), определения (*Его **напрасные** хлопоты лишь раздражали*), сказуемого (*Все **псу под хвост**: и пенсия, и нажитое добро, и дом, и прикопленные деньжата*. А. Азольский). Данный модусный смысл может быть представлен и присоединительной конструкцией (*Вот вы тогда, барчук, обиделись на меня, а **понапрасну***. И. Бунин), и отдельной предикативной единицей (*Боря делал, казалось бы, невозможное – редкие лекарства, лучшие клиники. **Безрезультатно***. К. Ваншенкин).

Частные значения семантики напрасности. Действие, оцененное говорящим как напрасное, может являться таковым по разным причинам. Описывая лексическое значение лексемы *напрасно*, Анна А. Зализняк (Зализняк, 2003) выделяет три частных случая:

- неэффективность действия (напрасно сходил = безрезультатно);
- ошибочность мнения (напрасно ты так думаешь = ошибаешься);
- оценочное (напрасно отказался = лучше бы согласился).

Ср. примеры:

1. *Он долго шарил у себя в карманах, ползал по полу, смотрел под кроватью, перебирал одеяло, подушку, простыни – все напрасно!* (А. Погорельский). *Напрасно читатель станет искать название оригинала книги — указано только издательство, которому принадлежат права* (Р. Фрумкина).

2. *Напрасно авторы "Вех" думают, что их оппоненты не хотят их понять и видят обвинение там, где имеется только борьба идей* (И. Петрункевич). — *Ты напрасно считаешь немymi всех, кто может молчать более трех минут* (М. Баконина).

3. *Ты напрасно отказался от участия в конференции, было очень интересно* (РР).

Представляется, что значение оценочности – неотъемлемая часть всей семантики напрасности. С точки зрения используемой Е. М. Вольф классификации типов существующих оценок, высказывания с семантикой напрасности могут трактоваться как высказывания с интеллектуально-логической оценкой, так как говорящий всегда опирается на какие-либо собственные или социальные стереотипы (Вольф 1985: 15).

Итак, если под действием понимать "процесс, подчиненный сознательной цели" (Леонтьев 1975: 48), то действие, не достигшее нужной цели или не принесшее ожидаемого результата, будет оцениваться говорящим как напрасное, безрезультатное. Когда говорящий оценивает действие как напрасное, он либо предполагает, либо уже знает, что действие не достигло определенной цели, изначально желаемой или ожидаемой, то есть не получен искомый результат. В этих случаях маркеры напрасности сочетаются с глаголами со значением физического или ментального действия: *Голову даю на отсечение, что ты просто напрасно сожжешь бензин* (Н. Леонов, А. Макеев). Напрасность как ошибочность (антирезультатность) характерна не только действиям, обычно ментальным, но и состояниям, не зависящим от воли субъекта: *Как потом выяснилось, нервничал я совершенно напрасно, более надёжного человека трудно представить*. Как видим, действие может расцениваться субъектом модусной оценки и как безрезультатное, и как ошибочное. Поэтому, какое именно частное значение напрасности реализуется в предложении, чаще всего становится ясно только из контекста, так как маркеры напрасности могут выражать оба семантических варианта: *Напрасно он пошел за хлебом*. Ср.: *Напрасно он пошел за хлебом. Я уже купила*. В данном случае действие субъекта достигнет результата (хлеб будет куплен), но расценивается как ошибочное, ненужное. *Напрасно он пошел за хлебом. Магазин уже закрыт*. В этом случае действие субъекта оказалось безрезультатным (хлеб не куплен). Или: *Но зря, совершенно зря дядя называл его старым попугаем. Никак на попугая он не походил* (Ю. Домбровский). *Господи, вы напрасно считаете, что я от вас что-то скрываю!* (Т. Тронина). Здесь говорящий оценивает речевое действие как необоснованное, ошибочное. В подобных случаях трансформация

видо-временной формы глагола (называл – назвал, называет, назовет; считаете – считали, будете считать) не меняет модусного значения. Ср.: *Только зря обыскал всю квартиру – ключа не было* (PP). В этом предложении говорящий дает модусную оценку действию, цель которого не была достигнута, т. е. констатирует его безрезультатность. Форма глагола (прош. вр) в подобных случаях значима. Маркерами безрезультатности, кроме лексем *напрасно*, *зря*, могут служить и такие лексемы, как *безрезультатно*, *бесполезно*, *тщетно*, *бесплодно*, *впустую*, *попусту*. Оба частных значения напрасности имеют отрицательную коннотацию в сознании говорящего. Интересно отметить, что в словарной статье "Русского ассоциативного словаря" (2002) реакции на слово *напрасно* связаны чаще всего с глаголами, которые обозначают действия с определенными усилиями: *стараться*, *пытаться*. Стимулы же, вызвавшие в качестве реакции лексему *напрасно*, - глаголы *обещать*, *ждать*, *надеяться*, *тратить*, которые связываются в сознании говорящих с обманом, неоправданными надеждами.

Субъект модусной оценки может либо совпадать с субъектом действия, либо не совпадать. Ср.: *Весь день он напрасно искал книгу. / Весь день я напрасно искал книгу*. В первом предложении производитель действия (т. е. субъект диктума) – он; субъектом модусной оценки является говорящий, позиция которого может быть вербализована в предложении: *Я считаю, думаю, знаю, что он весь день напрасно искал книгу*. Подобные примеры позволяют нам увидеть столкновение когнитивных пространств действующего и оценивающего субъектов. Во втором случае субъект действия и субъект оценки совпадают в лице говорящего, за счет чего происходит интеграция объективного и субъективного содержания.

Интересно отметить, что модусная оценка, в зависимости от способа ее выражения, может распространяться либо на всю ситуацию в целом, либо только на какой-то ее аспект. Ср.: *И напрасно "Файнэншил таймс" назвала это выступление бессовестной демагогией!* (Б. Ключников) - *"Файнэншил таймс" назвала это выступление бессовестной демагогией, и напрасно!* В исходном предложении семантика напрасности приписывается всей ситуации и выражается сочетанием лексического маркера (наречия *напрасно*) и предиката (глагола *назвала*). В трансформированном предложении семантика напрасности распространяется не на действие (*назвала*), а на оценочный компонент (*назвала бессовестной демагогией*). Используя терминологию М. В. Филиппенко, маркеры напрасности можно отнести к адвербиалам с плавающей сферой действия (Филиппенко 2003).

Особенности функционирования модуса напрасности. Модусный компонент напрасности накладывает жанровые ограничения на функционирование высказываний, т. е. семантика напрасности может проявляться только в ограниченном круге речевых жанров. Причем, принадлежность высказывания к тому или иному возможному речевому жанру напрямую связана с формой глагола. И. П. Матханова отмечала важность выявления структурообразующих грамматических значений для характеристики самого жанра (Матханова 2010). Она предложила выделять 1) жанры с жестко закрепленной грамматической характеристикой, 2) речевые жанры с гибкой структурой, обладающие вариативностью в определенных границах, и 3) свободные типа, не имеющие единой грамматической характеристики. Для жанров, в которых проявляется

семантика напрасности, определенная временная форма глагола является жестко закрепленной. Рассмотрим это на примере некоторых жанров.

Так как эта семантика – разновидность оценки, то логично ее проявление в оценочных речевых жанрах, таких как **осуждение**, **порицание** и др. *Напрасно вы злитесь на него, он ведь не сделал ничего плохого.* Здесь дается неодобрительная оценка поведения субъекта, оно осуждается. По замечанию Е. В. Лаврентьевой, отличительной чертой осуждения является обязательность экспликации оценочного компонента. В отличие от осуждения, в жанре порицания обязательно проявляется назидательный смысловой компонент, эксплицированное указание на норму (Лаврентьева 2006). Ср.: *Напрасно так говорите, сударыня, - сказал старик, - животное скот, а человеку дан закон* (Л. Толстой). Осуждать и порицать можно только те действия, поступки, мысли, которые совершились в прошлом или совершаются в момент речи. Поэтому глаголы в таких высказываниях могут быть либо в форме прошедшего, либо настоящего времени. В указанных жанрах субъект модусной оценки и субъект действия не совпадают. В случаях же совпадения двух субъектов жанр высказывания можно определить как **сожаление**: *Ах, напрасно я напугал вас... Зря я потратил столько времени на бесплодные ожидания!* В подобных предложениях информация о безрезультатном или ошибочном действии совмещается с выражением сожаления по этому поводу. В жанре сожаления обязательна форма глагола прошедшего времени.

В императивных жанрах семантика напрасности проявляется, прежде всего, в жанре **предостережения**. М. Я. Гловинская дает следующее толкование ситуации предостережения: субъект речевого действия знает о событии или ряде событий, которые должны или могут произойти в будущем, о чем неизвестно конкретному адресату или людям вообще (Гловинская 1993). Но под это толкование подходит и жанр предупреждения, близкий, но все-таки, на наш взгляд, отличный по семантике. Предупреждать можно как о каком-то позитивном событии, так и о событии, которое оценивается говорящим негативно. Л. А. Бирюлин включает в число императивных высказываний со стандартной семантикой побуждения высказывания со значением превентива, в которых выражается предостережение, адресованное некоторому лицу, предложение проявить осмотрительность и не совершить действие, способное нанести ущерб или вред этому лицу или каким-либо третьим лицам (Бирюлин 1989). Другими словами, предостережение включает в себя негативную коннотацию. Ю. С. Кленина, развивая точку зрения Л. А. Бирюлина, расширяет круг языковых средств, выражающих превентив: кроме прямого способа, т. е. формы повелительного наклонения глагола, она указывает и на косвенные способы (Кленина 2005). К ним мы можем отнести и высказывания с семантикой напрасности, где обязательным условием является форма глагола во 2 л. будущего времени и наличие маркера напрасности. — *Тебе не устоять против них, — возразил Михаил. — Только людей зря погубишь* (А. Иванов). *У них наверняка слабая основа, расти они будут плохо или вовсе не приживутся. Зря потратите деньги. Чем выше место прививки, тем дерево крепче.* (И. Марфин)..Семантика напрасности проявляется и в таких императивных речевых жанрах, как **совет**. Под советом понимается рекомендация адресату действовать определенным образом, которую адресат совета может

либо принять, либо отклонить: *Если нахлынет неудержимый поток, с ним не сражайся, силы напрасно не траать, лучше доверься волнам* (К. Васильев).

И совет, и предостережение имеют футуральную направленность, поэтому глаголы имеют либо форму повелительного наклонения, либо форму будущего времени изъявительного наклонения.

Итак, факультативная квалификативная модусная категория напрасности, выражающая оценку события с точки зрения целесообразности / нецелесообразности, определяет особенности взаимодействия диктума и модуса, имеет регулярные средства выражения, а также обеспечивает функционирование высказываний с этой семантикой в определенных речевых жанрах, грамматическая характеристика которых жестко закреплена.

ЛИТЕРАТУРА

Балли, Ш. 2003. *Язык и жизнь*. Москва.

Бирюлин, Л. А. 1989. "Семантика превентива". *Функциональный анализ языковых единиц*. Санкт-Петербург.

Вольф, Е. М. 1985. *Функциональная семантика оценки*. Москва.

Гловинская, М. Я. 1993. "Семантика глаголов речи с точки зрения теории речевых актов". *Русский язык в его функционировании. Коммуникативно-прагматический аспект*. Москва.

Зализняк, А. А. 2003. *Многозначность в языке и способы ее представления*: автореф. дис. доктора филол. наук. Москва.

Кленина, Ю. С. 2005. *Превентив: семантика и способы выражения*: автореф. дис. канд. филол. наук. Рязань.

Лаврентьева, Е. В. 2006. *Речевые жанры обвинения и оправдания в диалогическом единстве*: автореф. дис. канд. филол. наук. Новосибирск.

Леонтьев, А. Н. 1975. *Деятельность. Сознание. Личность*. Москва.

Матханова, И. П. 2010. "Структура жанра и грамматические "ключи"". *Слово. Словарь. Словесность: Текст словаря и контекст лексикографии: материалы конференции*. Санкт-Петербург: 465-470.

Русский ассоциативный словарь: в 2 т. 2002. Под ред. Ю. Н. Караулова. Москва.

Стексова, Т. И. 2002. *Семантика невольности в русском языке: значение, выражение, функции*. Новосибирск.

Стексова, Т. И. 2005. "Внутрипропозиitivность модальной семантики "невольность осуществления"". *Вопросы русского языкознания: Сб. науч. ст. Вып. 12. Традиции и тенденции в современной грамматической науке*. Москва: 68-76.

Труб, В. М. 1993. "Лексика целесообразной деятельности". *Логический анализ языка: Ментальные действия*. Москва.

- Филиппенко, М. В. 2003. *Семантика наречий и адverbиальных выражений*. Москва.
- Шмелева, Т. В. 1988. *Семантический синтаксис: текст лекций*. Красноярск.
- Шмелева, Т. В. 1995. *Субъективные аспекты русского высказывания*. Дисс. д-ра филол. наук. Москва.

RUSKI ISKAZI SA SEMANTIKOM UZALUDNOSTI

U članku se analiziraju iskazi sa semantikom uzaludnosti radnje, kao i načini prezentacije tog subjektivnog izričaja. Vrste iskaza direktno su vezane s osobitostima kategorije glagolskog vremena.

KLJUČNE RIJEČI: *subjektivni smislovi, uzaludnost, kategorija glagolskog vremena, vrste govora.*

